

Гутора Алексей

Останься со мной...
Будь со мной

18+

Алексей Сергеевич Гутора

Останься со мной...

Будь со мной

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71387041

SelfPub; 2024

Аннотация

"Останься со мной... Будь со мной," – говорят ушедшие в прошлое призраки хором, завлекая в былые дни, полные детского счастья и яркой палитры летних красок цветущих эмоций зрелой юности. Можешь остаться там, в несбыточных мечтах и своих бесплотных фантазиях, лишенных естественной силы жизни, согревай их своим дыханием и трепещи перед ними, проживай одни и те же холодные минуты, пустые, как глаза покойника, часы, дни в замкнутом в самом себе городе, полном холодного тумана, из которого и будет создано все вокруг тебя, о несчастный мечтатель, грезящий о призраках прошлого, – я же иду вперед.

Алексей Гутора

Останься со мной...

Будь со мной

Порой человеческая психика выдумывает чудовищные вещи, лишь бы не сталкиваться с пугающей действительностью.

Я стою у зеркала в ванной пытаюсь поймать мимолетные мысли, раскиданные повсюду, в том числе и на белых поверхностях чугунной ванны и керамической раковины. Зачем я тут стою по пояс голый? Почему не уйду из дома и не отправлюсь на учебу? Что заставляет меня стоять вот так на одном месте?

Сегодня, буквально пять минут назад, раздался звонок. В трубке стационарного телефона послышался голос мамы. Она казалась отстраненной и очень далекой, словно говорила со мной с другого берега реки, разграничивающей настоящее и прошлое. Она хотела, чтобы я приехал в родной город, где не был целых пять лет, с момента, когда мне исполнилось четырнадцать. Я не знал, что ответить и не смел возразить.

– Тебе скоро отправляться в Сирию. Пожалуйста, приедь к нам с отцом, мы посмотрим на тебя. Ты давно у нас с ним не был в доме.

– Хорошо. А откуда вы знаете, что я подписал контракт с армией? – Мое недоумение поджигало мозг разными вопросами, не обнаруживающими ответа.

– Мать чувствует издалека... Приезжай скорее... Мы соскучились...

Разговор был зажатый и сдержанным. Я не высказал многого и не смел заикнуться о перенесенных лишениях в кадетской школе. Странно, но множество ран и синяков, нанесен-

ных мне судьбой повлияли плодотворно на мои навыки. Теперь, можно сказать, я – истинный солдат, может быть будущий капитан или лейтенант. На потоке я был первым везде, поэтому получил аж пять грантов с выплатой премий. Что я умею? Бить, стрелять из пистолета, винтовки, ориентироваться на местности, водить мотоцикл и плавать. За все это я получил награды. Все они находятся у меня на стене в рамках. Иногда, когда прохожу мимо них, то благодарю своих родителей, за то что они отправили меня сюда, не смотря на перенесенные лишения в процессе становления настоящим мужчиной.

– Что же теперь? Надо отправляться в родной городок... Мотоцикл у меня есть. Права есть. Лишнее время – два-три дня... имеется. Погощу у родителей перед отъездом в Сирию, где буду стоять на одной из многочисленных застав. Где мне выдадут настоящий автомат. Я уезжаю в страну, где меня могут убить, но и где я получаю шанс продвинуться по службе. Или пан... или пропал... Патовая ситуация, ничего иного нельзя сказать тут... – Мои руки коснулись стекла, мокрого от испарины, шедшей от горячей воды. Я кивнул сам себе не понятно чего сопротивляясь внутри. В душе боролись два ощущения – горькое(горестное) и сладкое(сладостное). Я никак не мог понять свои чувства: первый раз за пять лет родители дали о себе знать, однако радости не прибавлялось ни грамма. Почему? Они же хотят увидеться перед отправкой на чужбину! Только и всего! – Возьми

себя в руки. Приедешь и спросишь обо всем, что интересует! Не по телефону же разговаривать о личном, верно? Зачем ворошить прошлое, когда можно все обговорить лично? Успокойся, почишь зубы, а завтра утром напиши записку начальству, что берешь отпуск на три дня. Здесь нет ничего такого. Пока что я работаю при военкомате в казармах, меня некому особо отчитывать, да и начальство не строгое. Помнится мне даже разрешили покататься на мотоцикле целый день, не смотря на полную загруженность. Иногда мне даже кажется, что люди считают меня не от мира сего, поэтому и искренне жалеют. – Все хорошо. Хватит вести диалоги с собой и отправляемся спать. Давай, браток, не особо заставляйся. Помнишь по приезду сюда ты гнал дурные мысли как можно дальше? Вот так поступай и сейчас. Вскоре тебе служить далеко отсюда, все здешние проблемы улетучатся и станут далеким "вчера", превратятся в пыль и нечто совершенно ненастоящее. – Я в последний раз взглянул на свое отражение и выключил свет в маленькой уборной попрощавшись с самим собой на ночь грядущую. Я всегда так делаю. Это стало своеобразной привычкой, которую я приобрел с момента заселения в корпус по приезду в лагерь.

Я уложил себя "солдатиком", тихо выдохнул, так, чтобы не слышал сам свое собственное дыхание, затем накрылся покрывалом, пахшим хлоркой, немного содрогнулся от... внезапно нахлынувшей прохлады, поморщился скорчив недовольную мордашку и, положив руки вдоль тела, за-

крыл глаза покорно дожидаясь грядущего сна. Спалось плохо, снился наш небольшой городок, покоившийся на дне котлована. Там постоянно был туман, но висел непрозрачной пеленой толстого смога не желая растворяться в небе. Иногда он даже опускался на город... На самом деле это был вовсе не город, а поселок городского типа, рассчитанный на десять тысяч жителей. В своем сне я блуждал по этому городку пытаясь найти хоть одного живого человека, но мне это не удавалось. Вместо людей на меня двигались тени поднимаемая черствые руки в попытке утащить в прошлое. Приснится ведь такое! Самое страшное, что может случиться с солдатом – это не смерть, а паника, являющаяся самым опасным врагом на войне. Я старался изо всех сил вытряхнуть из себя состояние агнца на заклании, но не мог. Может я вовсе никакой не агнец, а настоящая паршивая овца, достойная лишь смерти, той самой, что нужно избегать всеми допустимыми человеку способами?

Вытряхивайтесь, ненужные мысли, мне нужно поспать – завтра сложный трехчасовой путь по трассе, надо будет проехать много километров, прежде чем удастся с вершины Одинокой горы увидеть тот самый город, покинутый мною пять лет назад, когда я был еще совсем юнцом. Четырнадцать лет, что это? Это не возраст! Хотя и девятнадцать лет тоже не такой уж и великий возрастной предел для мужчины, который только что начал жить.

Ночь выдалась не спокойней. Мне снился город, где мои

ноги не ходили долгие годы. Как там сейчас на периферии, за темным лесом, в рабочем Горняке, расположенном в низине? Ответ явится завтра. Завтра я прибуду к родителям для важного разговора.

На утро я поглядел в окно, вообразил предстоящий дальний путь и, собравшись, одев мотоциклетную куртку, двинулся вниз в ожидающему мотоциклу.

Покинуть кадетский городок удалось часов в десять. Здесь я прожил пять долгих лет...

Железный конь летел стрелой по гладкой дороге оставляя разводы в мутных лужах, оставленных дождем в тихой ночи.

И вот – появились первые вековые сосны и елки. Ностальгия впиалась в меня жалом змеи нещадно терзая, уснувшие на долгий срок, юношеские чувства. Вместе с воспоминаниями в душу ворвалась меланхолия. Почувствовался запах озона. Дымчатая пелена окутала пространство. Пришлось вынужденно включить на мотоцикле переднюю фару.

Трасса вела через лес, погрязший в полнейшем запустении и пыли, мелькающей в свете мощной фары и летающей буквально во всех направлениях. Запахло хвоей. Мерзкий аромат смолы наполнил мой шлем. Порой встречались трейлеры и грузовики, сворачивающие с трассы на смежные дороги. Даже дальнобойщики катались тут очень редко не желая ехать к моему родному городку. Атмосфера запустения все больше надвигалась на меня. Вот и тучи набежали, не смотря на солнечный свет, пронзавший серость и застой ело-

вого леса. Через два часа пути дикая местность сгустилась вокруг меня вместе с сумраком. Ночная мгла при свете дня выглядит непонятно и как-то по-особенному коварно... Хотелось остановиться и запустить в нее булыжником. Но почувствует ли они боль и отступит ли? Еще буквально немного времени пройдет и этот путь до Горняка закроют или же он погрязнет в грязи и зарастет множественными дорожными трещинами, похожими на паучью сеть.

Впереди возник туннель в горе... Его неровный проход вывел меня в иную реальность через бесконечную черноту, казавшуюся чем-то неродным этому миру... Я плавно нажал тормоз, заставивший мотоцикл сбросить скорость. Неестественность местности, ее искусственность, с летающей повсюду дымкой, примешивалась к моему, весьма меланхолическому, чувственному восприятию давно покинутого города...

Остановка у распределительной станции прошла легко и без особых трудностей. Места для парковки мотоцикла было достаточно. Что сказать – тут не стояло ни одной машины. Я огляделся: позади оставался туннель, впереди чернел все тот же лес, "украшая" дорогу беззубым еловым ртом. Сколько она еще продолжалась мне никогда не было известно. Город возник в туманной дымке, воплотился из неоткуда, дав мне приблизительный маршрут в глубокую низину. Справа виднелась тропка, совсем маленькая, похожая на исхоженную между в поле. Я еще раз огляделся и заметил, что тут сыро, очень сыро, с небо слегка капает дождь, в воздухе летает за-

пах гнили и плесени, мороз по коже нагоняла нестерпимая слякоть. Кажется, время в этом месте остановилось и при чем весьма давно. Тишина простиралась во всех направлениях от меня и даже крика обычной вороны слышно не было. Я медленно двинулся к тропке вынужденно напрягшись. Ожидалось все, что угодно, но только не продолжение этой громоздкой тишины, давящей на все органы восприятия.

– Я не помню этой тропки. Мы с парнями в прошлом обходили всю округу, но конкретно этой тропы я не помню. Хоть убей не помню. Как еще модно спуститься в Горняк? Вроде бы никак. Ладно, если тропа приведет не туда, куда нужно, то всегда можно будет повернуть обратно... – сказал я это сам себе и тут же засомневался в своих собственных словах, в голове возникло неопишное воображению возражение выдвинутому только что наспех плану. Ноги сами понесли меня в лесок, не смотря ни на что... – Хорошо. Будь, что будет. И все равно, как-то здесь ужасающе глухо.

Началось погружение в темень. Одинокие шаги наполнили заросли елей. Шел я медленно, чтобы не подскользнуться на вязкой земле. Дорога через лес к забытому городу. Лес сгущался. Деревья вырастали каждые сто метров прямо на глазах прибавляя в размере на пятую часть от своих стволов. Зайдя под их тень я ясно услышал прекращение всяких посторонних звуков, Солнце и синеющий небосвод поглотили мрачные верхушки вечных елок; создалось впечатление перехода в смежную реальность. Выдумка ли? Наверное та-

кое чувство связано с возвращением в родные края, где я не был много лет. Мне не переставало мерещиться, что некто рядом со мной дышит, некто невидимый глазу, нагоняя отнюдь не свежий ветерок, возможно, прошлое в виде поврежденного манекена, чей образ утратил былую прыть и силу жизни, притаился в зарослях меж кустов и сейчас доносит до меня серные потоки жгучего смрада. Не получалось разглядеть следившего ни среди деревьев, ни впереди, ни за спиной. Покажется же такое! Нужно собраться с силами и перестать нервничать.

– Успокойся. Ты тут не впервые. Нужно всего-то адаптироваться. Пройдет время и ты поймешь, как тут все просто и знакомо. Это же не город – так, давно пропавший из памяти городок из детства.

Вдалеке возникла водонапорная башня, ее ржавая конструкция мелькнула тенью, отжившая свой положенный век, сгоревшая, разрушенная, когда мне исполнилось десять лет ее списали городские власти за ненадобностью. В свое время мы поднялись на крышу самого большого дома в городе и принялись наблюдать за факелом огня на ее вершине, который уносился в небо высоко-высоко, улетал в небеса алыми птицами, пропадая в холодной черноте, не возвращаясь обратно. Через год башня рухнула. Не работала она уже давно, так что надобности в ней действительно не было. Там внутри часто зависали подростки, курили, пили алкоголь, некоторые употребляли наркотики разных сортов и, конечно же,

трахались и день, и ночь напролет. Недалеко от башни располагалась роща, посаженная еще при Сталине. Деревья черемухи скрывали юные тела подрастающих юнцов от дневного света и родительских глаз. Там многие, еще не совершенные человеческие организмы, чувствовали себя повзрослевшими. Я наблюдал за приближающимся пятидесяти метровым строением с ужасающей внимательностью, от которой у меня навернулись слезы. Веки не смыкались. Дорожка вела вниз и вскоре башня потерялась из вида за громоздкими домиками, кажущимися безлюдными. Никого поблизости не виделось. Этого просто не могло быть, башня разрушилась еще тогда, в те далекие времена. Как же тогда она сейчас маячить перед глазами? Может это не она так вдалеке? Может это все лишь обман зрения? Или что-то иное завиднелось в туманной дымке сонного Горняка?

Дорога в город со станции энерго-распределения представляла из себя брусчатку из спрессованного и утрамбованного песка, блестевшего на солнечном свете. Она превратилась в тропинку на какое-то время, потом перешла в состояние обычной асфальтированной дороги.

Благо или проклятие одинокого города, расположенного в самой низине кратера накатило на меня с потоком ветра. Туман, дурная вонь, шахты, неблагоприятная атмосфера... Все это нахлынуло в лицо и душу, зацепив извилины спавшего мозга. Воспоминания пробудились, вздрогнули и тихо улеглись туда, где находились – на дно забвения.

Зловещее молчание и серость окружения давили тисками. Я остановился на месте обдумывая следующий шаг.

Прошлое ворвалось в мое окружение мрачным облаком! Тень промелькнула невзначай мимо меня, чуть не поцеловав в губы, пролетела по ржавому металлу брошенного автобуса, опустилась на сухие листья травы, подлетела на бетонный забор, затрепыхалась бабочкой на его неровностях, задержавшись на какое-то время. Я наблюдал за этой затейливой игрой, пытаюсь сообразить, где скрывается источник темного образа, проявившегося в пространстве, словно фотография на новом снимке после мгновенной проявки. Темнота зависла на заборе, затем резко пролетела вместе с ветром вправо, опустившись к ногам некоего человека. Я даже вдруг вздрогнул от неожиданной встречи с первым увиденным в живую жителем Горняка.

– Извините, я тут не впервые, но все забыл. Тут как-то странно. Все серо и сыро. Не подскажете дорогу?

– Куда тебе, мальчик?

– Дядя Сережа? Это вы?

– Да, я, – тихо проговорил голос из темного тумана.

– Мне нужен дом родителей, но я забыл, где он находится.

– Ты найдешь его, – раздался вкрадчивый ответ человека, что когда-то давно, когда мы еще были совсем юными мальчишками, играл с нами в футбол и обучал разным интересным штукам, как разводить костер или делать лассо из обычной бельевой бечевки. Мне захотелось расспросить его

О многом, в голове не укладывается, как много вопросов одномоментно поселилось в голове из-за явления моего взрослого друга детства.

– Извините... – но образ исчез, словно его и не было рядом. Его унес туман, появившийся вместе с летающей тенью.

Встреча с дядей Сережей на окраине города продлилась какие-то минуты и все же она запомнилась мне. Было что-то в ней меланхоличное, давно утерянное во времени, съеденное ржавчиной, той, что сейчас пожирала остатки придорожного автобуса, мирно покоящегося на обочине дороги, прямо возле заборной рытвины, на дне которой виднелись захороненные треснувшие водопроводные коммуникации, но так и не преданные матери-земле.

Я встряхнул головой в тщетной попытке сообразить -, что это вообще было такое... встреча или наваждение?

Под ногами промелькнула грязная обесцвеченная лужа с застойной водой белого оттенка. Рядом – ни одного отпечатка человеческой ноги. Может быть дождь смыл их? Водянистая земля источала застойный запах. Туман, клубившийся в темноте, тихо отступил, обнажив острые крыши домов, лежащие в самой низине Горняка. Мне почудилось, что они смахивают на клыки некоего хищника, ожидающего моего скорого приближения.

Вязкая земля принимала мои следы. Ноги вязли в почве, выпуская зловонный смрад, скопившийся в ней за долгие годы застоя. Строение приближались с каждой секундой. До-

рожка вела вниз, все ниже и ниже. Грязь становилась все более скомканной, теперь она мелькала в глазах комьями, впере­мешку с камнями шлака, отливавшими золотым сиянием меди в скромных лучах света, то и дело игриво появлявших­ся и исчезающих в легкой морозной дымке, просачивающих­ся через низкие тучи. Было ощущение, что вот-вот и грянет дождь, по крайней мере им пахло. Я улавливал едва замет­ный запах измороси, повисшей в воздушном потоке.

– Как же долго меня здесь не было... – вырвалось у меня, когда очертания домов, застывших на фоне горных массивов и мрачного елового леса, уже впились в мои уставшие от од­нотипной серой картины глаза, смешавшейся с окружающим пейзажем. – Все так изменилось. Все такое старое и ветхое.

Не успел я ступить на окраину города, как о мне обра­тился наглый подростковый голосок, довольно мерзкий, вы­рвавшийся из мрачной подворотни вместе в ветром.

– Эй ты, иди сюда! Я тебе жопу надеру!

– Кто? Кто это? – Безлюдье не пугало, но обостряло мое волчье чутье. Где ты, покажись! Если мужчина, то выйди ко мне на свет! – Я глядел во тьму, засевающую между двумя двух­этажными домами, где не было места свету.

– Иди сюда, сказал! Боишься, да?! – повторил гнусный голос невидимого пацана. Казалось, что его вообще нет на планете Земля, вот как таинственно он звучал для меня.

Я буквально не дошел до того самого места, скрываемого темнотой, около метра и остановился еле дыша. Там никого

не было. Кто кричал мне в след и почему пытался затащить в потемки закоулка? Странно все это...

– Никогда не думал, что темень может быть на столько плотной. Но там в переулке точно никого нет. – Эй! Ты там? – И даже эхо не ответило мне, не то что там какой-то придурок-подросток, решивший помериться силой со взрослым мужчиной.

Ощущение оторванности от мира накладывало свои отпечатки на мое восприятие действительности. Становилось тяжелее с каждым новым шагом, ноги замерзали и вязли в холодной земле. На курточке за десять минут пребывания в Горняке образовался иней. Над крышами домов сгустилась дымка, грозившая опуститься мне на голову. Я не понимал здешней непостижимой атмосферы таинственности, натянутой безмолвности, как тетива на луке со стрелой. Этот маленький городок, расположенный в низменности на болотах, источал смрад гниющего яблока и тлен бабушкиного чулана с обносками царских времен, куда не заглядывали лет десять. Застой Горняка поражал, недвижимость и опустошенность завораживала с первого взгляда. Складывалось впечатление, что само время тут остановилось навсегда. И даже дома пребывали в шоке от того, что я снизошел до них с вершины большого города. Они пялились на меня со всех сторон, окружали многочисленными телами, грозящими рухнуть на мое маленькое тело в любой неподходящий момент. Загадочная атмосфера забытого мною навсегда места стано-

вилась более зловещей.

И вот снова промелькнуло чье-то изваяние. Оно прошло в облаке тени, поднялось, а потом плавно спустилось прямо на дорогу передо мною. Дымка слегка развеялась.

Девочка, возникшая так внезапно, без каких-либо предварительных аргументов, предвещающих приближение иного человека впереди, показалась мне призраком. Нет, она не была призрачным существом. Все ее естество говорило: я – живая, из плоти и крови, или же просто хочу таковой показаться...

– Привет, – обратилась ко мне девочка. – Ты вернулся?

– Если я здесь, то – я вернулся. А ты кто?

– Лера. Ты забыл меня?

– Да. Не помню. Я многое забыл.

– Сколько ты тут не был?

– Пять лет. Я учился в кадетской академии. Можно сказать, что я уже будущий солдат. Еще немного и я подпишусь...

– Неужели? – Говорила она мне издали не приближаясь, ее лицо мелькало в едва видимом тумане, мельтеша и содрогаясь при каждом повороте. – Чудно. Как ты меня смог забыть?

– Правда не помню. Напомни, если не сложно.

– Я Лера. Хотелось бы переписать всю свою судьбу, но я не могу. Я в Горняке застряла на всю жизнь.

– Да ладно тебе. – Отмахнулся я и попал во что-то рукой. –

Я тут к родителям приехал. Не знаешь, где они теперь живут?

– К родителям? Ты это серьезно? В наше-то время? Нашел еще чем баловаться.

– Совершенная правда. Мама позвонила мне, позвала и я приехал сюда на три дня. Отпросился у начальства предварительно, так что все в курсе. Я ищу нужный родительский дом, но вспомнить никак не могу номера.

– Найдешь. Кто ищет – тот всегда находит. А вот то, что ты приехал – довольно серьезный шаг, зная что пути назад нет.

– Другого не дано. Папа и мама у меня одни. Какой я сын, если не посещу их? – Здесь я не совсем понял Леру, однако уточнять ее слова не стал вопреки навязчивым вопросам, все более проявляющимся в голове в виде своеобразных сейсмических спазмов.

Как-то уж очень много недопонимания между нами возникало. Два человека из двух совершенно разных миров сошлись на одной дороге, ведущей от подстанции распределения электричества до маленького городка, расположенного в низине. Создавалось впечатление, что я снизошел до Горняка и его жителей, как какой-то небожитель.

– А что с самим городом произошло? Тут так странно, никого нет, туман, ощущение заброшенности всюду бродит. – Хотелось подойти ближе к интересовавшей теме из далека, чтобы не задеть девочку неловким вопросом.

– Разве нечто странное есть? По-моему ничего подобного.

Город, как город. Горняк всегда был таким. Ты забыл здешнюю обстановку, вот и привередничаешь, городской мальчик.

– Нет-нет. Тут явно что-то не так.

– Хорошо. Пускай остается по-твоему, не буду возражать.

Если здесь для тебя иной мир, значит пускай и остается таким. Главное, чтобы ты остался самим собой.

– А разве что-то может случиться со мною?

– Кто его знает. Люди меняются. Вот ты например изменился. Изменишься еще раз – и вот уже родился новый человек.

– По-моему все естественно, люди меняются.

– И города тоже значит?

– Нет ничего такого, что нельзя было изменить.

– Я знаю, что нельзя изменить – прошлое. Хоть тресни, но оно будет каменным, монолитным, как застывший янтарь.

– Лера, ты где? Я за тобой не успеваю.

– Значит кадетов не учат бегать по стадиону?

– Учат, но ты быстрее меня намного. Я не вижу тебя, ты постоянно ускользаешь.

– А мы разве быстро движемся?

– Ну конечно, я же иду к тебе, а ты отодвигаешься от меня все дальше. Куда ты идешь?

– В парк. Я иду на площадку. Не проводишь меня до туда?

– Пойдем. Поговорим за одно.

Парк и безликая девочка, желающая прогуляться до спортивной площадки у начальной школы. Сколько ностальгии! Как много воспоминаний, не смотря на истекший срок моей годности к подобного рода приключениям! Лера шла очень быстро, да так, что я не мог угнаться за ней – она была гораздо быстрее меня, намного шустрее и проворнее. Ее образ с волосами, развевающимися на ветерке, ускользал от моего взгляда, выскальзывал липкой лягушкой, не даваясь глазам, обманывал не искушая, но подсмеиваясь с наивностью игривого снежного барса. Разговор согревал меня внутри, хотя я сильно мерз снаружи. Не понятно, как это девочка в тонком платье не замечает надвигающегося холода. Под ногами трескался иней. Сколько раз я бы не смахивал его покров со своей куртки – он все равно намерзал снова, покрывая кожаную поверхность сковывающими движения маленькими льдинками. Юная подруга бежала впереди меня и, показалось, что на нас смотрят тени прошлого.

– Чего ты там? Идешь?

– Иду. Разве не видно? Я иду с тобой по тропке наверх.

– Нет. Не видно.

– Вот и я тебя почти не вижу – туман везде, туман повсюду.

– Делай вид, что его нет.

– Мне нужно в город. Там меня ждут родители.

– Ох... Времени у тебя полно, найдешь своих стариков.

– Не стариков, а родителей. Не оскорбляй память о них.

– Не буду оскорблять ПАМЯТЬ о твоих родителях, так и быть.

Вдалеке показалось поле и турники, ворота с сеткой, натянутой как попало, множество качелей, за которыми возвышался спортивный городок с полосой препятствий. мы почти пришли. И все равно, это место источало ржавчину и запах ее простирался далеко за Горняк.

– Это старый город. Здесь еще при царе трудились шахтеры, – пояснила юная белоснежка обернувшись ко мне. В дымке пронеслись ее золотые кудри чудесной волной девственного прибоя. – Не волнуйся так. Атмосфера здесь удручающая, но все же... живая.

– Все понятно. – Ничего понятного речь девочки не принесла, добавив еще больше острейших вопросов.

– Пахнет в парке хвойной тишиной? – неожиданно она обратилась ко мне прервав мои размышления.

– Не знаю. Я не могу адаптироваться к городу. Никак не могу поверить в то, что я здесь, в городе своего уснувшего детства.

– Ты не помнишь песню?

– Какую? Нет, не помню. Я с трудом могу вспомнить Горняк.

– Ясно. Ты все забыл. И меня в том числе.

Голос девочки отдалился, стал более отстраненным. Он завис вместе с ее поступью и растаял. Тень и туман накатили

на лесок и скрыли парк со спортивной площадкой. Я остановился пытаясь различить окружающие объекты, но кроме деревьев ничего разглядеть не был в силах. Пришлось повернуть назад в городские пределы, что проявились в конце тропинки, словно изображение на фотоснимке.

В одном из множества светлых переулков я сразу столкнулся с улыбчивым малым лет двадцать восьми. Мы остановились друг на против друга и принялись разглядывать сами себя и наше окружение. В дымке вечерней зори, возникающей в непроглядных небесах серого оттенка, показалось, что этому странному человеку можно доверять.

– Ты здесь? – спросил он меня прокуренным, но вполне ясным голосом.

– Я здесь. А разве не видно?

– Не доверяй глазам своим. Тут все твои чувства могут быть обмануты. Ты здесь для чего?

– Я приехал к родителям. Мама позвонила мне и я решил приехать перед отправкой в Сирию.

– Да к ты военный?

– Я пока что кадет, но готов пройти крещение огнем.

– У меня все легче – я ищу свое прошлое. Странное место, да? Никого тут нет, зловеще как то.

– Мне все равно. Главное, чтобы родители были тут.

– Они в городе, не смей даже сомневаться! – рявкнул мужчина и тут же сменил тему. – Можно задать тебе вопрос? Может ли тень двигаться без своего господина?

– Это как? Я думаю, что ни коим образом не может. Это невозможно. – Сказал я и вспомнил тени, передвигавшиеся рядом со мной при входе в город. Туман скрывал их, но я видел их в его пелене.

– Я думаю здесь что-то не так. Озадачил меня этот городишко. Вечером будь осторожен, попробуй найти место для ночлега и попытайся отыскать фонарь, если у тебя его нет или костер разожги. Главное не пропасть в надвигающейся темноте.

– Может нам стоит держаться друг друга?

– Нет, так не пойдет. Лучше двигаться в разных направлениях – мне твои проблемы ни к чему, а тебе мои.

– Не понял. Ты говоришь о разделении труда?

– Я имею в виду, что у каждого из нас свои демоны, скрытые в душе, не стоит нам усиливать их влияние на нас обоих, иначе сгинем тут оба.

– Совсем ничего не понял.

– Значит поймешь. Жизнь заставит – раскорячишься еще по-хлеще моего и станешь думать намного шире, чем сейчас. Расширь свое сознание!

Я не нашелся, что ответить и оставил своего собеседника в покое. Он немного постоял, потоптался на месте топчакорки замерзшего инея, попинывая большие льдинки носком старенького ботинка. От него донеслась тиха фраза, не замеченная мною. Более ничего не слышалось. Расстались мы молча, явно зная, что судьба сведет нас снова...

Наверное с часа два я бродил по городу пытаюсь отыскать свой старый домишко. Все мои действия оказались тщетными. Не удалось узнать ни одно строение, ни одну улицу, ни одну дорогу, хотя ровно пять лет назад я, еще мальчишкой, бегал тут не зная покоя.

Еще молодой день внезапно стал уступать наглому вечеру. Что за день такой без солнечного света? Пронесся в некуда не оставив даже воспоминаний о себе. Внезапный вечер выжигает глаза неестественно алой зарей, принесенной из другого уголка космоса, заставляя смотреть на облака и спускающуюся на город дымку.

Окончательно потерявшись в извилистых улочках Горняка я присел на лавочку и туман окружил меня вновь.

– Опять ты прилетел, зараза такая. Все никак отстать от меня не хочешь! Что я тебе такого сделал-то дурного? – говорил я покусывающей мои руки и щеки туманной дымке. – Призрачно все – и люди не те, не такие какие-то, и город не тот, что раньше, да и атмосфера не та, бесформенная какая-то, ватная...

Шаги послышались спустя минут десять. Из тумана таинственная поступь крадучись подтянулась ко мне принеся нового человека. То бы мужчина в строгом черном костюме, с такими же черными волосами, в перчатках и, кажется, при оружии. Не здороваясь незнакомец сначала понаблюдал за мной концентрируя свое зрение на моем лице.

– Ты один? – задал он вопрос. Мужской силуэт в хлопьях

дымки, выглядел точь-в-точь как та самая здоровенная белая лошадь из Ежика в тумане, спокойно жевавшая траву на утреннем лугу. – Я задал вопрос.

– Я слышу. А какое вам дело до этого?

– А, творится здесь чертовщина всякая – вздрагиваю от нее, как от огня, поднесенного к самому носу.

– Приехал я один.

– Зачем?

– Это допрос? Зачем люди ездят?

Тут незнакомец потянулся за спину...

– На чем приехал? К кому? Как дошел до города? Кого видел? – Необходимо было быстро собраться и ответить на все его сраные вопросы, что были мне не к стати.

– Приехал на стареньком мотоцикле Ямаха 1989 года выпуска. На днях позвонила мне мама и пригласила в гости. Я, не долго соображая, сел верхом на верного коня, помчался по трассе 807 на север через густой лес. Приехал, припарковался у распределительной станции, спустился по тропинке сюда...

– Ладно-ладно... Верю, не напрягайся. Просто нужно было убедиться, что ты не образ, настоящий то есть.

– Образ? Видение? Расслабься, а то пупок развяжется.

– Ха, шутка. Значит ты не призрак.

– Это уж точно. Я ищу родительский дом, но никак не могу вспомнить местность. Лет пят здесь не был.

– Пять лет, да? Город с тех пор стал "закрытым". Меня

послали пару дней назад сюда для отчета. Чертов сраный городишко! И теперь я не могу выбраться отсюда. Приехал на машине и все... ни машины, ни дороги назад!

– Такого не может быть.

– Это тебя здесь не может быть, а то, о чем говорю я реально! Я десять лет езжу по закрытым городам, но такого безумия никогда не видел.

Агент, досматривающий закрытые города. С чего это Горняк закрытый город? Ночь под покровом темноты вселенной меня несколько не пугает. Чего это он так сильно нервничает? Может быть он пьян или на наркотиках?

– Все случается в первый раз когда-нибудь. Не надо так нервничать. Да, в Горняке туман. Сколько себя помню – тут всегда возникал туман. Город расположен в низине, так что... – и тут мы обернулись влево. Наши головы синхронно повернулись в одну сторону. – Что это там? Песня?

– Вот я и говорю... чертовщина. Туман, безлюдье, сплошная ненормальность вокруг.

– Как же безлюдье? Вот кто-то старый патефон завел. Кажется там озеро. Надо бы посмотреть...

– Вот это без меня, знаешь ли!

Мне надоело вести диалог с этим ненормальным, представившимся каким-то там агентом. Если психические расстройства передаются по воздуху, то лучше держаться от этого типа подальше. Разговор, что тяжелее свинца и адского груза смертельных грехов всего человечества пора было

кончать. Я встал, что невероятно удивило "агента".

– Тогда я один пойду на пристань. Путь я знаю. И даже представляю какого рода проигрыватель там играет романс. И сам романс наизусть знаю.

– ... – ответа не последовало, хотя молчание мужчины было куда красноречивее слов. Его замороженный взгляд наблюдал за моим тихим исчезновением в синеве дымки. Отойдя на какие-то десять-двадцать метров я обернулся, заметив все тот же неприятный глазу силуэт в темном костюме, глядевший в мою сторону. Каменное изваяние не поддавалось описанию. Это каким трусом нужно быть, чтобы так бояться музыки с пристани?!

– Я вернусь, потом поговорим! – Махнув рукой на прощание я двинулся куда более уверенно в сгущающийся туман. Вскоре послышались скрипы старых лодок, весел, поглаживаемых беспокойными волнами, бряцание цепей по маленькому причалу, где мы в детстве любили бегать весь день.

Музыка становилась громче. Пел Шаляпин. Я иногда заходил в музей и развлекался с патефоном, пытаюсь сделать так, чтобы он играл куда громче выразительнее обычного. Мне даже позволяли его разбирать. После моих "разборок" всегда оставались лишние запчасти. Но он вопреки всему все равно проигрывал виниловые пластинки. Не убиваемый аппарат, произведенный в царской России и это нужно признать. Шум волн усилился. Я ступил ногой на деревянный причал. Завиднелись несколько лодочек, уныло покачиваю-

щихся в волнах. Трепет объял меня, когда голос Шаляпина дотянулся до моего слуха раскатистым завыванием.

Я подошел к перилам, облокотился на них и, глядя в отражение блеклой воды, стал вспоминать ушедшее детство, которое само явилось ко мне вопреки теперешним предрассудкам. В туманном облаке, зависшем над озером, показались несколько лиц моих близких знакомых друзей, что я не видел давно, наши с ними мальчишеские проделки, не всегда заканчивавшиеся удачно, дом папы и мамы, где жили мы все вместе, переплетение городских дорог с улицами, завязанные в один большой узел. И почему же я отправился на обучение в кадеты? Нам же хорошо было тут всем вместе. Зачем надо было разлучаться на столь большой срок, без возможности вернуться обратно? Почему я за время обучения никогда не приезжал сюда во время каникул? Крадучись мысли подступали ко мне прошлыми днями, будто дикая кошка, желающая поймать мышь. Наверное, их стоило уже забыть вовсе, но я их помнил и они сейчас сами напоминали о себе, пробуждая картины прошлого. А ведь кто-то завел эту старую шарманку на берегу. Кто бы это мог быть? Лодочник?

За спиной послышался протяжный скрип, заставивший резко обернуться в сторону небольшого домишки. В пристройке, в ее мутном окне возникло лицо и тут же юркнуло в темень помещения. Дрожь ужаса пробрала все тело электрическим разрядом. Молния поразила мое самолюбие и гордость. Я выпрямился во весь рост вглядываясь в окно доми-

ка.

– Кто тут?.. – Все замерло, шум мерцающих серебром волн стих, громахание древних цепей и лодочек остановилось вместе с моим беспокойным сердцебиением, только звучал старый романс с виниловой пластинки никак не желая завершиться. Картинки прошлого, словно потрепанные карты игральной колоды, убралась сами собой в дырявую упаковку, сделанную из картона. Маги медленно приближали меня к домику. У двери я вынужденно остановился проверяя ржавую ручку. Она поддавалась нажатию. В затхлое помещение проник тусклый свет с улицы. Входная дверь жалобно проскрипела двигаясь вперед. Позади также нудно завывал неугомонный голос все того же певца. В колдовской черное однокомнатного сарая зашевелилось нечто. Рядом было нагромождение мусора. Я покопался в нем ногой и обнаружилась большие ножницы, старые, но безумно острые. Зажав их в руке, но убрав за спину, я двинулся в темноту. Кадетское воспитание не давало мне возможности ретироваться, ибо "страха для солдата не существует". Вопреки логики и природе человека я ступал все дальше во тьму... чтобы разглядеть живое существо... И, вроде бы, страха не было вовсе, тем не менее некий трепет внутри груди заставлял напрягаться мои холодные мальчишеские чувства. Шаляпин напевал за спиной все ту же песенку о несчастной любви, ушедшей в прошлое. Я отдался всевозможным меланхолическим чувствам дав волю слезам. Пока я был в лачуге, вроде

бы ничего не предвещало особой беды. Музыка успокоилась и... в покровых темноты домика возникли два сверкающих глаза, черные, как сама космическая бездна, открылась зубастая пасть... и тут на меня выпрыгнула здоровенная черная псина, пахшая протухшей падалью! Певец взревел. Я не понял, что конкретно произошло! Мы вцепились друг в друга и стали "танцевать" в крошечной темноте. При чем вес животного никак не соответствовал его реальным размерам и казался намного больше! Удалось локтем отмахнуться от зверя и сразу же разбить стекло, чтобы увидеть вражью морду... и, как только свет проник в комнатку, тварь стала намного меньше, вес ее изменился, она стала весить, словно подушка с перьями. Я легко уложил бешеную зверюгу и с десяток раз наградил ее ударом ножниц, которые добыл не так давно в металлоломе у входа. Из мерзких ран хлынул гной и кровь, черная такая, возможно артериальная. Отступив я подошел к двери... огляделся. Сердце тяжело колотилось. Смерть едва не настигла меня в чужом доме на берегу озера! Как прозаично и глупо!

На воде легко покачивались лодочки, соприкасаясь друг о друга бортами. Цепи вновь издавали лязг. В граммофоне закончилась напряженная мелодия старого русского романса. Я весь был в какой-то жиже, лишь немного напоминавшей кровь. Думалось – это смола, только подпорченная, сгнившая, то отчетливо чуялось по запаху, улавливалось с первого взгляда.

– Зачем я сунулся в этот проклятый дом? Зачем я вообще сюда приехал? – Ругая сам себя я медленно спустился по деревянным лесенкам с причала на мокрую землю, успевшую слегка подмерзнуть. Туман рассеялся и теперь можно было осмотреть город издалека. Но, как на зло, Горняк все равно не узнался мои глазам. – Спать уже хочется. Найти бы место для ночевки что ли.

Я пытался отереться от нечистот бешеной псины, забрызгавших меня. Воняло ужасно, но снимать куртку в столь холодный сезон означало бы "поздороваться" с пневмонией, а возможно и поцеловаться с ангиной. Болеть мне сейчас не к чему, скоро ожидается поездка в Сирию, поэтому... И тут я поднял руку и увидел те самые ножницы, которыми удалось умертвить дворнягу. На них была не кровь... не кровь! Я плохо разбираюсь в животных, но отличить кровь от гноя могу! Если еще раз случится подобный бой с непонятной гадиной, то есть большая вероятность того, что я не выберусь из него живым!.. Что это вообще такое напало на меня в темноте? Чудовище, засевшее в лачуге у озера?

– В любом случае... как бы там ни было дальше... я с ним уже не столкнусь – оно мертво! И не восстанет из гроба после нескольких точных ударов этих ножниц... – Я поднес острые концы своего оружия к глазам и, тяжело дыша, повертел в разные стороны пристально наблюдая за блеском старого металла в редких лучах, льющихся с неба скупым каскадом. Наверное, с виду, это походило на затмение сознания. Нико-

гда бы не подумал, что буду так благодарен обычным ножницам, сумевшим выручить в столь отчаянный момент навязанной потасовки. Сколько я так простоял не понятно, но очнулся, когда над головой загромыхало. – Нужно идти... Да, нужно идти искать дом для ночевки... Начинается вечерний дождь... Холодает... Если кто увидит меня сейчас, то прикинь не от мира сего – все равно видок не выдающийся...

В голове еще играла музыка с лодочной станции, когда город окунулся в черноту вечера. Если бы не солнечное зарево, зависшее пеленой в горизонте, то можно было предположить, что настала настоящая ночь. Мгла выжигала глаза, давила, как давилка на засыпающий мозг, не успевший адаптироваться к новой окружающей обстановке.

И тут мне показалось, что один из домов уж очень знаком. Я встал на месте размышляя.

– Назад или вперед? Какая разница?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.